

В. В. Напольских (Ижевск)

Из удмуртской мифологии: Этимологические этюды

1. Алангасар

Удм. *алангасар* 1) 'мифологическое существо – великаны, род которых населял землю до появления человека, отличавшиеся при большом росте (и силе ?) глупостью и неуклюжестью'; 2) 'лодырь'. Ср.: тат. *алаҗасар*, *әләҗәсәр* 'мифический герой', башк. *әләҗәсәр* 'невнимательный, торопыга', ногай. *алан(га)сар* 'торопыга, разиня, дурень', карaim. *алаҗасар* 'мифический исполин' (Ахметьянов 1981: 15; Алатырев 1988: 76).

Совершенно справедливо мнение о тюркском источнике удмуртского слова (Алатырев 1988: 76). Однако предположение об отражении в удм. *алангасар* и в приведённых тюркских словах этнонимов *алан* и *хазар*, часто встречающееся в литературе (см., напр.: Wladykin 1982; Ахметьянов 1981: 15) и восходящее к домыслу Г. Н. Потанина, который сам позже от него отказался (Потанин 1892: 192), неправомерно как с семантической, так и с фонетической точки зрения: непонятен перенос этнонимов на мифологический персонаж, не несущий каких-либо специальных этносоциальных характеристик, странно само слияние этих этнонимов воедино; необъясним переход глухого *x-/*k- > z- и звонкого *-z- > -с- в слове *хазар* – в удмуртском в этом случае следовало бы ожидать форму типа **аланказар* (Алатырев 1988: 76).

Колебания вокализма в тюркских языках наводят на мысль о сложении тюркского **алаҗасар*/**әләҗәсәр* из двух слов, одно из которых имело передний, а другое – задний вокализм. Этими словами могли быть:

1) каз. *алаҗ* 'беспокойный', ойрот. *алаҗ* 'удивлённый, сомневающийся', лебед. *алаҗ* 'глупый' и т. д. < монг. *алаҗ* 'удивлённый, сомневающийся, нерешительный' (Räsänen 1969: 16);

2) каз. *esär* 'глупый, легкомысленный', сиб.-тат. *ežär* 'глупый' (> х. *isär* 'глупый', мс. *oser* 'ленивый, вялый') < **äwär*/**äs-är* 'глупый, легкомысленный, ленивый' (Räsänen 1969: 51).

Удмуртское слово *алангасар* является, по-видимому, заимствованием из татарского *алангасар*, восходящего, в свою очередь, к кыпчакскому **алаŋ-äsär* > *алаŋгасар/äläŋгäcär* 'нерешительный, неуклюжий, дурень, лентяй' (ср. выше семантику удмуртского и ногайского слов). Этот термин удмурты использовали для обозначения мифических глупых или неуклюжих великанов – образа, возникшего в их мифологии, видимо, независимо от слова *алангасар* и раньше его – возможно, ещё до появления в нашем регионе тюрков, на что указывает наличие параллельных образов или, по крайней мере, терминов для их обозначения: удм. *зэрпал*, мр. *онар*, не имеющих пока удовлетворительной этимологии.

2. *Осто*

Удм. (глаз., сар., малм.) *остэ*, (малм., малм.-урж., елаб.) *осто*, (уфим.) *öстэ* (Wichman 1987: 185), бт. *öстэ* (устное сообщение Р. Ш. Насибуллина), круф. *ö°стэ* (Насибуллин 1978: 131), бес. *остэ* (полевые записи автора) > **öстэ* – слово, обозначающее призыв к богу, эпитет бога, начинающее текст языческой молитвы (куриськон) или оканчивающее его, заменяющее имя бога при испуге, встрече с нечистой силой и т. д.

Употребление: 1) слово явно является эпитетом, заменителем имени бога – вроде русского 'господи', 'всевышний', при звуке которого нечистая сила удирает без оглядки (что едва ли возможно, если бы мы имели дело с глагольной формой типа 'помилуй', 'благослови'):

– дочь Вумурта говорит парню (в формах литературного удмуртского языка): "*осто эн шу, инмарез буре эн вай*" – 'осто не говори, бога не поминай' (Munkácsi 1952: 63);

– то же самое – в молитве: "*тэныд остэ карытэк ум сииське, тэныд буре вайытэк ум сииське*" – 'с тобой (тебе ?) остэ не делаем, тебя добром не помяная не едим' (Munkácsi 1952: 132);

– злые духи не могут войти в дом, съесть привязанную лошадь: "*пыреме ой ло – муръёзы но, öссы но остэ шуса ворсамын*", "*остэ шуса думиллям*" – 'не войти, и труба, и дверь остэ сказав закрыты', 'остэ говоря привязана' (Munkácsi 1952: 84) и т. д.

2) эпитет *остэ* употребляется параллельно со словами *вылысь* 'верхавный, всевышний' и *бадзым, быдзым* 'большой, великий' особенно часто. Наиболее показательны случаи с повторами, когда слово *остэ* заменяется при повторе указанными словами:

– "*осто но Инмаре, быдзым Инмаре*" – '*осто* Инмар, великий Инмар', – "*осто гынэ Инмаре, вылысь Инмаре*" – '*осто* Инмар, верховный (верхний) Инмар' (Удмуртский фольклор 1992: 33, 41).

По-видимому, изначально слово *остэ* имело значение наиболее близкое к 'великий', 'верховный', 'всевышний'.

Предложенная Б. Мункачи этимология удм. **остэ* < тат. *оста* 'мастер, умелец' (< перс.) (Munkácsi 1890–1896: 68, 94) не может быть принята по фонетическим (Кельмаков 1990: 342–344) – да и по семантическим соображениям. Рассматривая это сопоставление, В. К. Кельмаков обратил особое внимание на ударение на первом слоге удмуртского слова (Кельмаков 1990: 344), что, как будто, может объясняться только тем, что данное слово является формой глагола в повелительном наклонении. Вряд ли, однако, такое объяснение возможно: во-первых, никаких следов глагола *остыны* '?миловать', '?благословлять' в удмуртском языке нет; во-вторых, неясно, почему при обращении к богу в единственном числе (на "ты" – см. примеры выше) – другого обращения и быть не могло – предполагаемый глагол стоит исключительно во множественном числе: **остэ* вместо **осты*, как следовало ожидать (форма **осты* вообще не зафиксирована).

Скорее всего, сдвиг ударения на первый слог в **остэ* произошёл в результате исключительно экспрессивного его употребления в начале или в конце фраз при обращении к богу. В этом плане показательны, что Б. Мункачи в своих записях удмуртских куриськонов фиксирует ударение на первом слоге и в обращениях "*инмаре*", "*кылчине*": из 19 текстов куриськонов (не считая однотипных повторов) в 13 *остэ* стоит со словами *инмар* и/или *кылчин/кылдысин*, из них в 12 случаях ударение в этих словах также поставлено на первом слоге (Munkácsi 1952: 110–143). Важно, что перенос ударения на первый слог происходит прежде всего в первом слове, если оба имени богов стоят рядом: – "*остэ, бадзын кылчин-инмаре*" (Munkácsi 1952: 143).

Следовательно, постановка ударения на первый слог в **остэ* вряд ли имеет принципиально важное значение: перед нами явно

дезтимологизированное слово, употребляемое исключительно в экспрессивных выражениях.

Удмуртское **óstэ* 'великий', 'всевышний' происходит скорее всего от тат. *өстэ* 'наверху, верхний' – местный падеж от *өс* 'верх, верхняя часть' < тюрк. **үс* 'верх' (Räsänen 1969: 523). Таким образом, первоначальное значение **óstэ* – 'верховный, всевышний', что полностью объясняет особенности его современного употребления. Фонетическое соответствие безупречно: обычное (по И. В. Тараканову) соответствие удм. **ү* < тат. *ө* (< **ү*) (Тараканов 1982: 115–116) должно относиться к старым татарским заимствованиям (до перехода **ү* > *ө*), слово же **óstэ* было, очевидно, заимствовано уже после этого перехода и дополняет, таким образом, список соответствий удм. *ö* < тат. *ө* (ср. также удм. *бöчы* 'жук', *öнер* 'ремесло, навык', *öрекчаны* 'обмануть'). На относительно позднее заимствование удм. **óstэ* из татарского указывает, возможно, и приведённая выше форма красноуфимского диалекта с сохранением **с*, которое в старых болгарских и татарских заимствованиях последовательно переходит в красноуфимском диалекте удмуртского в *ш* (Насибуллин 1978: 94–95).

3. *Тöро*

Удм. *тöро* 'вождь, старшина, тысяцкий на свадьбе, жрец-председатель на языческом молении'. Обычно связывают с удм. *тöр*: *тöршор*, *тöрсэрег*, *корка тöр* 'красный угол, почётное место' (отсюда как будто *тöро* – букв. 'обладатель почётного места' > 'председатель, вождь') < тат. *тур* 'красный угол, почётное место' (Csúcs 1990: 286) < тюрк. **тöр* 'почётное место (против входа в юрте)' (Räsänen 1969: 494). Любопытно, что тюркское слово в свою очередь заимствовано из тохарского: тох. В **twere* 'дверь' (< ие. **dhwor*/*dhwer* – ср. рус. *двор*, *дверь*) (Иванов 1988: 101).

Между тем удм. *тöро* имеет специфическую семантику, обозначая персонаж, наблюдающий за порядком проведения церемонии, роль которого сводится к простому присутствию на молении, – это своего рода молчаливый брегон удмуртской традиции. Поэтому удм. *тöро* совсем не обязательно связывать с *тöр* – его можно возводить непосредственно к тат. *турэ* 'судья, чиновник' (< **тöрэ*) (Räsänen 1969: 495). Не исключен, впрочем, и болгарский

источник, отраженный в в. *törvény* 'закон' (современное чув. *týpe* заимствовано из татарского) (Räsänen 1969: 495).

Таким образом, удм. *töpo* может быть косвенно (только по семантике и через тюркское посредство) связано с санскр. *dharmā* – именно словом *töpy* 'закон, установление, учение, правило' переводилась *dharmā* в уйгурских текстах – при этом присутствие *töpy* в древнетюркском не позволяет как будто считать его санскритским заимствованием, да и фонетически это (даже через пра-криты и тохарский) едва ли возможно. Всё это, естественно, не имеет никакого отношения к прямому сопоставлению удм. *töpo* с санскр. *dharmā* (со ссылкой при этом на Р. Г. Ахметьянова, в работе которого ни *töpo*, ни *dharmā* вообще не упоминаются!) (Владыкин 1993: 235).

4. Урт

Удм. *урт* (повсем.) (Wichmann 1987: 300; Munkácsi 1890–1896: 113), (бес.) *урт*, *урд* (полевые записи автора) – 'душа-двойник, живущая вне тела человека, её присутствие обеспечивает психическое здоровье и полноценность, присутствие духа'. См., кроме того, композиты: *бусы урт*, *дю урт* 'урт поля, урт хлебов' – нечто, обеспечивающее плодородие поля, его нормальное функционирование, его "самость"; как и *урт* человека, *бусы урт* может уйти, вследствие чего поле перестаёт приносить урожай, – и должен быть в этом случае пойман в виде бабочки (*урт бубыли*) и возвращён. В виде бабочки предстаёт и *урт* человека (Holmberg 1914a: 14–15, 180). Для традиционной культуры бесермян можно реконструировать и представления об *урт*-е дома: после смерти человека его *урт* должен быть возвращён в дом, чтобы в доме всё шло хорошо, при этом, если *урт* не возвращается, призывают знахаря, который вводит его в дом с помощью специального обряда, обращаясь при этом к *урт*-у, называет его *корка кузё* ('домовой') (полевые материалы автора).

Ср. коми (скр., нв, вв., сс.) *орт*, (печ., уд.) *орд*, (вс.) *орт* 'привидение, призрак, двойник человека, дух его, обычно невидимый и показывающийся только перед смертью своего хозяина' (ССКЗД: 261; Teryukov 1989: 136–138).

Ср. мр. (повсеместно ?) *өрт* (Грузов 1964: 93, 99) 'душа-двойник человека, отвечающая за его психическое здоровье, полно-

ценность, присутствие духа, самообладание'. См. также композиты: *пасу öрт* 'öрт поля', *тул öрт* 'öрт огня', *вуд öрт* 'öрт воды', *пöрт öрт* 'öрт дома', *öрт лепене* 'бабочка öрт-а' (Holmberg 1914b: 11, 57–59) – абсолютная и расширенная параллель к удм. *урт*: 'сущность предмета, его истинность, то, что делает предмет таковым'.

По логике К. Редее (слово имеется в двух самостоятельных ветвях-потомках так называемого "финно-пермского праязыка"), это слово следовало бы поместить во второй том "Уральского этимологического словаря", где оно, однако, отсутствует. По-видимому, К. Редее не устраивает соотношение в вокализме: для прапермского реконструируется заднеязычное *o (закрытое ?), для прамарийского – переднеязычное *ö (см. сомнения по этому поводу: КЭСК: 208; Лыткин 1964: 59).

На самом-деле по последовательности отражения исходного заднеязычного *o (> у в удмуртском) в ключевых (периферийно-южных и бесермянском) диалектах удм. *урт* не имеет аналогов среди "неясных" примеров В. И. Лыткина – во всех остальных примерах (Лыткин 1964: 29–69) хотя бы один ключевой диалект даёт ожидаемый по внешним параллелям вокализм. Поэтому вряд ли следует сомневаться в правомерности прапермской реконструкции **орт* (с заднеязычными соответствиями в родственных языках).

В марийском же языке, по-видимому, правомерно предполагать возможность перехода исконно заднеязычных гласных в переднеязычные, хотя и достаточно редкого (из 14 примеров, приведённых у Л. П. Грузова (1964: 136) годятся лишь *түрвö* 'губа', *йүаш* 'пить', возможно – *шүдыш* 'обруч' – имеющие заднеязычные соответствия в финском – и *öрт*). Это явление в большинстве случаев объясняется комбинаторными причинами (влияние палатальных праязыковых *j-, *š-, *ñ-) (Itkonen 1953: 248–250), но в ряде случаев явных причин не имеет (см., например: *түрвö* 'губа', *мөр* 'года' – и *öрт* – заметим, что везде переход в передний ряд имел место перед -р). Возникновение звука ö в марийском связано с перестройкой всей системы вокализма, и в принципе он может восходить как к древним *и и *е, так и к *у и *о (Itkonen 1953: 261). Поэтому реконструкция формы **орт* (с заднеязычным вокализмом) для раннего прамарийского в принципе не исключена.

Прапермско-марийское **орт* 'душа-двойник, духовная сущность, истинность, полноценность предмета, живого существа' (старое значение коми слова сохранено в х. (сев.) *орт*, (зап.) *урт*, (вост.) *урт*, *ур* 'дух-хозяин места' и в х. (зап.) *урт*, (вост.) *урт*, мс. (сев.) *урт*, (зап.) *урт*, *вурт*, (вост.) *βурт*, *βор*, *орт* 'душа-двойник' (Toivonen 1956: 12–13; Rédei 1970: 95), которые являются пермскими заимствованиями, причём, видимо, разновременными или из разных пермских диалектов, так как первое слово отражает пермскую форму типа **орт*, а второе – **урт*) – должно быть заимствованием из нефинно-угорского языка по двум причинам:

1) в значении 'душа-двойник' оно вытеснило более древнее общефинно-угорское **ic̥/*i̥ε* 'душа-тень; сам, свой' (UEW: 79), которое сохранилось в значении 'сам, свой' (удм. *ас*, *ачим*, *асьмеос*) и в архаичных композитах типа удм. *асчер* 'эпилепсия' (букв. 'болезнь *ас*-а') – то же самое в других финно-пермских языках – представление о двойственной природе души человека при этом сохранялось согласно древнейшей финно-угорской модели: удм. *лул* 'душа-дыхание' (коми *лов*) – *урт* 'душа-двойник' (коми *орт*) – в прафинно-угорском **lewle* 'душа-дыхание' и **ic̥/*i̥ε* 'душа-двойник' (Paasonen 1909);

2) практически все слова (кроме звукоподражательных) с исходом на *-рт* в удмуртском языке (Насибуллин, Дудоров 1992: 141–142) являются заимствованиями из тюркских (*арт* 'следом, один за другим', *дарт* 'страсть, задор', *карт* 'муж', *юрт* 'дом' (Csúcs 1990: 110, 159, 207, 196)) или иранских языков (*вырт* 'ниточки' (Rédei 1986: 48), *корт* 'железо', *мурт* 'человек', *гурт* 'дерева' (если не из болгарского диалектного **γурт* < **юрт* (Helimzskij 1984: 197–198), *нурт* 'нож' (Joki 1973: 262, 273, 281, 305)). Не ясно происхождение слов *нарт* (диал.) 'летаргия', *нурт* 'вид саний' (ср. эвенкийские, коми, мордовские параллели – Wanderwort? (UEW: 709)), *шорт* 'пряжа' (возможно, всё-таки связано с санскр. *sutra-* 'нити, пряжа' (Munkácsi 1901: 643–644) – сомнения А. Йоки по этому поводу (Joki 1973: 79) никак не объяснены). Остаётся из общеудмуртских слов практически только *урт*!

Пермско-марийское **орт* 'душа-двойник, духовная сущность, истинность' происходит скорее всего от иранского **art*: осет. *ard/art* 'клятва', а также, видимо, 'истинность, праведность' в выражениях: *adämy ard* 'ard народа', *хвусаву ard* 'божий *ard*', *änä-*

ard 'лишенный *ard-a*' = 'безнравственный' и т. д. (Абаев 1958: 60–62) – ср. др.-перс. *arta* 'истина, божественная праведность', авест. *aša* 'высшая истина, божественная правда' – санскр. *ṛta-* 'священный порядок, закон' < ие. **rt-*, **art-* 'взаимосвязь' (Абаев 1958: 61–62; Pokorný 1951: 56–57). Фонетически **a* языка-источника закономерно отражается как **o* в индо-иранских заимствованиях пермских языков (в особенности в их древних пластах: удм. *сю*, к. *сё* 'сто' – ср. санскр. *ṣata-*; удм. *узыр*, к. *озыр* – ср. санскр. *asúra-* 'господин', – что наряду с марийской параллелью свидетельствует, скорее всего, об относительно древнем заимствовании слова **ort*). Консонантный ауслат, возможный в языке-источнике, снимает сомнительное предположение о пермском (заимствованном) происхождении марийского *õpm* (см.: Bereczki 1992: 106). Сложная семантика пермско-марийского слова может быть полностью объяснена из широкого семантического поля иранского слова-источника, выражающего одно из важнейших религиозно-мифологических понятий индо-иранской традиции (Абаев 1958: 61).

Сопоставление иранского **art* (точнее – др.-перс. *arta*) с пермско-марийским **opt* (точнее – с коми *opt*) было предложено ещё Р. Стакельбергом (1893), однако было позже отвергнуто без каких-либо объяснений (Joki 1973: 67) – и, как видим, без каких-либо оснований: сопоставление это представляется в свете привлечённых здесь материалов безупречным как с фонетической, так и с семантической точки зрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1985. Т. 1.
- Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка. Ижевск, 1988. Т. 1.
- Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.
- Владыкин В. Е. Религиозные верования // Удмурты: Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993.
- Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1964.
- Иванов Вяч. Вс. К проблеме тохарско-алтайских лексических связей // ВЯ. 1988. № 4.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные гово-
ры. Ижевск, 1990.

КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический
словарь коми языка. М. Наука, 1970.

Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М.,
1964.

Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских
удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия.
Ижевск, 1978.

Насибуллин Р. Ш., Дудоров В. Ю. Обратный словарь удмурт-
ского языка. Ижевск, 1992.

Потанин Г. Н. У вотяков Елабужского уезда // Известия Об-
щества любителей археологии, истории и этнографии. Казань,
1892. Т. 3.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов.
Сыктывкар, 1961.

Стакельберг Р. Р. Ирано-финские лексикальные отношения //
Древности восточные Имп. Московского археологического обще-
ства. М., 1893. Т. 1, вып. 3.

Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке:
Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск, 1982.

Удмуртский фольклор – Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни
южных удмуртов (= Удмуртский фольклор). Ижевск, 1992. Вып. 1.

Helimzskij E. Permi szófejtések // NyK. 86. Budapest, 1984.

Bereczki G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte 2
(Studia uralo-altaica, 34). Szeged, 1992.

Csúcs S. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Budapest,
1990.

Holmberg U. Permalainen uskonto. Porvoo, 1914a.

Holmberg U. Tšeremissien uskonto. Porvoo, 1914b.

Itkonen E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im
Tšeremissischen und in den permischen Sprachen // FUF. Bd. 31.
Helsinki, 1953.

Joki A. I. Uralien und Indogermanen (= SUST, 151). Helsinki,
1973.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1890–1896.

Munkácsi B. Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben.
Budapest, 1901.

Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken (= SUST, 102). Helsinki, 1952.

Paasonen H. Über die ursprünglichen Seelenvorstellungen bei den finnisch-ugrischen Völkern // SUSA. 26. Helsinki, 1909.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1951.

Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türk-sprachen. Helsinki, 1969.

Rédei K. Die syrjänische Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970.

Rédei K. Zur indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Buda-pest, 1986.

Teryikov A. I. Notions about souls in the Komi mythology // Uralik mythology and folklore (Ethnologica uralica, 1). Budapest; Helsinki, 1989.

Toivonen Y. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen // FUF. Bd. 32. Helsinki, 1956.

UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Buda-pest, 1986–1988.

Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz. Helsinki, 1987.

Wladykin W. E. Folklore and the problems of ethnogenesis and ethnology history of the Udmurts // Problems of the european ethnography and folklore (2nd Congress of the International Society for European ethnology and folklore). Moscow, 1982.